

Н. В. СИВАЧЕВ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕАКЦИИ В США

В отличие от Европы и остального мира США вышли из второй мировой войны страной, в которой революционным, прогрессивным, радикальным и даже либеральным силам был нанесен значительный удар. За короткое время буржуазный неолиберализм «нового курса» Ф. Рузвельта уступил господствующие позиции консерватизму и реакции как в идеологии, так и в политике.

В 30-е годы под воздействием глубочайшего экономического кризиса и развернувшихся массовых антимонополистических движений экономические и социально-политические позиции крупного капитала были несколько ослаблены. Даже раздавались жалобы, что бизнес был посажен в «собачью конуру»¹, где ему пришлось отсиживать немалый срок. Ослабление позиций монополий отразилось и на судьбах идеологии «твердого индивидуализма», который был господствующей формой идейно-политических воззрений американской буржуазии вплоть до «нового курса» Ф. Рузвельта. И в социальной политике, и в идеологии правящему классу пришлось отказаться от догматов «твердого» индивидуализма и перейти на буржуазно-коллективистские рельсы с новым взглядом на роль государства в общественных отношениях. 30-е годы стали временем расцвета неолиберализма в политике и идеологии американской буржуазии². Центральными положениями неолиберализма были: активное использование государства в решении социальных проблем, отказ от принципов «laissez-faire» и крайностей индивидуализма, признание социальной ответственности бизнеса и государства и выдвижение позитивной программы социальных реформ с целью предотвращения перехода низов общества на радикальные или революционные позиции. Иными словами, неолиберализм представлял собой идеологию государственно-монополистического капитализма, который форсированными темпами развивался под ударами кризиса 1929—1933 гг. Неолиберализм был характерен и для идеологии трудовых отношений³, и для государственной политики в рабочем вопросе как неразрывной и важнейшей части всего «нового курса»⁴.

¹ E. J o h n s t o n. America Unlimited. Garden City, 1944, p. 179.

² О зарождении неолиберализма как идейно-политического течения в конце XIX — начале XX в. см. И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968; Н. В. Сивачев. Из истории трудового права в США (1890—1918 гг.). — «Вестник Московского университета». История, 1968, № 3; В. В. Согорин. Формирование антимонополистической идеологии в США в конце XIX в. — «Вестник Московского университета». История, 1970, № 3.

³ J. C o m m o n s, J. A n d r e w s. Principles of Labor Legislation. New York — London, 1936; C. D a u g h e r t y. Labor Problems in American Industry. Boston, 1933; J. L a n d i s. Cases on Labor Law. Chicago, 1934; L. M a c D o n a l d. Labor Problems and American Scene. New York, 1938.

⁴ В. Л. М а л ь к о в. Рабочая политика Ф. Рузвельта (1933—1940). — «Вопросы истории», 1965, № 9; В. Л. М а л ь к о в, Д. Г. Н а д ж а ф о в. Америка на перепутьи.

Решающим фактором, предопределившим переход от неолиберализма к реакции во внутренней политике правительства США, было всестороннее укрепление позиций монополий в период второй мировой войны.

В это время были созданы благоприятные условия для возрождения популярности индивидуалистических идей. Этому прежде всего способствовало укрепление экономического положения частного капитала. Война в кратчайший срок сделала с экономикой США то, чего не удалось добиться творцам «нового курса»: в стране благодаря военной конъюнктуре начался бум. Если в 1933—1939 гг. совокупный общественный продукт возрос (в текущих ценах) с 56 млрд. долл. до 91 млрд. долл., то к концу войны он достиг 214 млрд. долл. Более стремительно, чем объем производства, росли прибыли корпораций. В 1933 г. в графе «чистая прибыль» официальных отчетов фигурировала цифра в 1,056 млрд. долл. убытка, в 1938 г. — цифра в 3,33 млрд. долл. прибылей, а в 1943 г. прибыль поднялась уже до 12 млрд. долл.⁵⁻⁸

Вторая мировая война помогла монополиям США предстать перед обществом социально реабилитированной силой. В «реабилитации» бизнеса сыграли роль такие факторы, как ликвидация безработицы, высокая эффективность предприятий, выпускавших военную продукцию для нужд антифашистской войны, а также некоторое улучшение, по сравнению с кризисными 30-ми годами, материального положения широких народных масс.

Результаты военного бума после десятилетия кризисов и депрессии с массовой безработицей и нищетой имели важные социальные последствия. Он, во-первых, создал экономические предпосылки для ослабления массовых движений 30-х годов в США. Во-вторых, созданная войной обстановка, содействовавшая преодолению тяжелого наследия предвоенного десятилетия, была разрекламирована буржуазной пропагандой как результат целенаправленной деятельности крупного бизнеса, который якобы «третировали» при «новом курсе». Апологеты монополий утверждали, что бизнес давно бы принес достигнутые теперь блага, не будь либеральных реформаторов во главе с Ф. Рузвельтом. Положение монополий укрепилось и в результате разгрома гитлеровского блока. Американский бизнес упрочил свое доминирующее положение на мировом капиталистическом рынке в тот момент, когда в условиях ослабления Англии, Франции и других капиталистических государств рынок этот был в состоянии, близком к вакууму. Вместе с этим монополии США стяжали славу побед в антифашистской войне. Роль США в ней невероятно преувеличивалась, а вклад СССР, главной силы в разгроме мирового фашизма, преуменьшался.

Организатор побед, первый патриот, гарант социальной и экономической стабильности, творец благосостояния — таков был портрет крупного американского бизнесмена в изображении буржуазных идеологов и пропагандистов к концу войны. Именно таким он и вошел в массовую психологию американцев, что имело далеко идущие последствия для всего послевоенного развития США. Он стал настолько респектабельной фигурой, что, вопреки традиции 30-х годов, за ним пошли как за естественным лидером средние слои населения. «Военный спекулянт», которого журнал профсоюза сталелитейщиков в самом начале войны назвал «общественным врагом № 1» и изобразил сидящим за решеткой⁹, стал главной движущей силой, осуществившей поворот вправо всей внутренней политики США. В результате было принято множество реакционных законов и за решеткой оказались самые достойные представители рабочего класса.

1929—1938. М., 1967; Н. В. С и в а ч е в. Трудовое законодательство в США в 30-е годы XX в. — «Вестник Московского университета». История, 1969, № 1.

⁵⁻⁸ «Historical Statistics of the United States». Washington, 1961, p. 139, 580—581.

⁹ «Amalgamated Journal», 28.IX.1939.

Наступление реакции в США было подготовлено не только экономически и социально, но и идеологически. В новой программе Коммунистической партии США указывается: «Точно так же, как монополии создают административно-управленческую элиту для присмотра за своей экономической империей, они, разумеется, создают и элиту для управления своими политическими и идеологическими делами».

Одним из основных направлений идейно-политического наступления монополий на прогрессивные силы страны стала проповедь крайнего индивидуализма, который не был полностью предан забвению в период «нового курса», а в годы войны, особенно в самом ее конце, пережил свой очередной взлет.

Знаменем нового подъема буржуазного индивидуализма стала книга австрийского экономиста Ф. Хайека «Путь к рабству», вышедшая в 1944 г. в Англии. Но гораздо большую известность она получила в США¹⁰, где в этом же году была переиздана и куда вскоре перебрался на постоянное жительство и ее автор. Приверженцы индивидуализма, поддерживаемые Национальной ассоциацией промышленников (НАП) и другими организациями бизнеса, подняли Ф. Хайека на щит и, располагая огромными материальными средствами, искусственно взвинтили спрос на его книгу.

Ф. Хайек учел, что Европа и весь мир страшно ненавидели фашизм, попиравший все элементарные свободы человека. Он поставил в один ряд с фашизмом все то, что хотя бы в какой-то степени ограничивало частнособственнический произвол. По Ф. Хайеку, в цивилизованном обществе примерно до 1870 г. все обстояло хорошо: идеи либеральной политэкономии («laissez-faire») успешно распространялись из Англии на Восток, включая Германию и даже Россию. Но после 1870 г. немцы своей тоталитарной манерой мыслить и действовать остановили это триумфальное шествие и начали контрнаступление с помощью всевозможных «государственных» теорий. Частью этого контрнаступления он считал и идеи социализма, которые после 1917 г. начали оказывать на Запад свое влияние из России. Поскольку всякое посягательство на частнособственнические прерогативы, по мнению Ф. Хайека, ведет к рабству, то он предсказывал этот исход неизбежным для США и Англии, так как они, по его схеме, завершали в период второй мировой войны тот самый путь, которым Германия прошла от Бисмарка к Гитлеру.

Не менее активным и влиятельным проповедником реакционного индивидуализма был другой экономист австрийской школы — Л. Мизес, ранее Ф. Хайека переехавший в США. В 1944 г. он опубликовал книгу «Всемогущее государство»¹¹, в которой подверг резкой критике идеи планирования и социального регулирования. Государственное вмешательство в социально-экономические отношения он квалифицировал как недопустимое насилие над личностью. Как и Ф. Хайек, он рисовал мрачное будущее для «западной цивилизации», если она и дальше будет идти по пути «социалистического планирования»¹².

Индивидуалистические взгляды нашли поддержку в «чикагской школе» политэкономии, сформировавшейся еще до войны вокруг профессора Чикагского университета Г. Саймонса. В 30-х и начале 40-х годов он опубликовал множество статей¹³, сделавших его лидером этого направления. Наряду с Г. Хэзлиттом, Г. Гарреттом, Д. Давенпортом, У. Чемберлином и другими Г. Саймонс убеждал американцев в том, что всякое ограничение индивидуальных свобод владельца частной собственности означает шаг к крушению мира.

¹⁰ F. Hayek. The Road to Serfdom. Chicago, 1944.

¹¹ L. Mises. Omnipotent Government. New Haven, 1944.

¹² Ibid., p. 240—255.

¹³ После смерти Г. Саймонса его ученики издали сборник наиболее важных его статей.— H. Simon. Economic Policy for a Free Society. Chicago, 1948.

Оживление индивидуализма в годы войны было не только отражением укрепления позиций бизнеса. Это была одновременно и негативная реакция частнособственнических кругов на форсированное развитие государственно-монополистического капитализма, неизбежно наносившего удар традиционным индивидуалистическим устоям и воззрениям. Отрицательное отношение широких собственнических кругов к государственно-монополистической практике и идеологии усиливалось еще более тем, что эта практика и идеология, в силу исторической специфики США 30-х годов, нашли неолиберальную форму своего выражения.

Крайний индивидуализм надо рассматривать не только как теорию социального миропонимания, но и как систему идейно-политического наступления буржуазии на социализм, на профсоюзы, на рабочий класс в целом и на политику либерального социального маневрирования, учитывающую отдельные требования рабочего движения. Борьбу против коллективистских институтов индивидуалисты вели под лозунгом защиты личных свобод от всевозможных монстров «коллективизма». Бесспорно, что реакционные индивидуалисты осуждали коллективизм в принципе. У. Чемберлин писал: «Я уверен, что инстинкт индивидуального человека — создавать, а инстинкт коллективного человека — разрушать»¹⁴. «Человек, — утверждал Л. Мизес, — рождается асоциальным и антисоциальным существом. Новорожденный — это дикарь. Эгоизм — его сущность»¹⁵. Но все эти нападки на коллективизм и восхваление добродетелей индивидуализма носили ярко выраженный классовый, антирабочий характер. Реакционный индивидуализм был прежде всего превентивной мерой против возможного распространения идей социализма в послевоенных США. Индивидуалисты при этом исходили как из политического опыта США 30-х годов, так и из европейской реальности периода войны. Их крайне пугал сдвиг влево широчайших масс трудящихся Европы. Ф. Хайек не случайно посвятил свою черносоленную книгу «Социалистам всех партий», уделив особое внимание английским лейбористам: он написал свой труд как «предупреждение социалистической интеллигенции Англии»¹⁶.

Борьба «индивидуалистов» против расширения социальных функций государства была направлена своим острием против рабочего класса. Осуждая «планирование», «тоталитаризм» государства, они защищали материальные интересы буржуазии, а она не хотела ни социального страхования, ни признания своей ответственности за бедственное положение низов общества, ни законодательства, защищающего и тем более укрепляющего позиции профсоюзов перед лицом могущественных монополий. Буржуазный экономист неолиберального направления Б. Селигмен указывает, что доктрина индивидуализма «превратилась в средство идеологического обоснования и хитроумного оправдания неограниченной экономической мощи, находящейся в распоряжении отдельных лиц»¹⁷. Все это делалось под предлогом защиты «свободной личности» как таковой, без учета ее экономического и социального положения в буржуазном обществе. Поэтому труды Г. Саймонса, Ф. Хайека, Л. Мизеса, У. Чемберлина и других реакционных индивидуалистов стали пособием для тех, кто выступал против любых социальных уступок трудящимся, против какого бы то ни было подобия либерализма в правящих верхах. Промышленники, боровшиеся с профсоюзами, приравнивали рабочие организации к монополиям. Опираясь на старые американские теории о том, что всякое вме-

¹⁴ W. Chamberlin. The Confessions of an Individualist. New York, 1940, p. 300.

¹⁵ L. Mises. Op. cit., p. 241.

¹⁶ F. Hayek. Op. cit., p. IV. Судьбы Англии тревожили всех американских реакционеров. Крайние индивидуалисты утверждали, что даже У. Черчилль ведет страну к «социализму», а лейбористы, если они победят на выборах, совсем погубят Англию — оплот классического консерватизма.

¹⁷ Б. Селигмен. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968, стр. 229.

шательство в производство извне удорожает его и снижает эффективность, Г. Саймонс писал о «профсоюзной монополии» как помехе росту производительности труда. Он считал, что главная цель «профсоюзной монополии» — это «эксплуатация потребителей»¹⁸. То же самое проповедовал и Ф. Хайек: «Профсоюзная монополия» предоставляет льготы «привилегированным группам» в «ущерб обществу и особенно в ущерб беднейшим людям»¹⁹. С помощью этих антипрофсоюзных лозунгов монополии привлекали на свою сторону значительную часть средних слоев, поддержавших принятие реакционного трудового законодательства.

Крайний индивидуализм оказался менее пригодным как позитивная идеология. Исторический опыт и повседневная практика убеждали буржуазию в невозможности решения важнейших социально-экономических и политических проблем частным путем, без расширения роли государства как коллективного института господствующего класса. Надвигавшиеся в ходе войны проблемы послевоенного устройства мира, который монополии США планировали перекроить «по-американски», делали еще более очевидным анахронизм крайнего индивидуализма с точки зрения внутренних и международных интересов американского империализма.

Поэтому более влиятельными и даже главными стали такие концепции, в которых традиционная проповедь «свободного предпринимательства» сочеталась с признанием позитивной роли государства в решении основных проблем, стоящих перед буржуазией. «Твердые индивидуалисты» 20-х годов, реконструировавшие свои пещерные взгляды, и поправевшие неолибералы вместе с теми, кто в 30-е годы понуро плелся в обозе «нового курса», и составили основу нового, неоконсервативного направления. В отличие от крайних индивидуалистов неоконсерваторы обращались к государству за решением социальных проблем. В отличие от неолибералов «нового курса» они использовали этот буржуазно-коллективистский орган не для смягчения классовой борьбы трудящихся путем уступок и социального маневрирования, а для ограничительных и репрессивных мер против рабочего класса.

Политэкономия неоконсерватизма, как и неолиберализма, базировалась на кейнсианстве. Но неоконсерваторы были более умеренными кейнсианцами в бюджетных вопросах, соглашаясь на дефицит лишь в крайних случаях. Особенно рьяными сторонниками «сбалансированного бюджета» они становились тогда, когда дефицит возникал вследствие расширения расходов на социальные нужды. В этих случаях неоконсерваторы становились откровенными реакционерами.

Неоконсерваторов роднила с крайними индивидуалистами активная проповедь частнособственнических добродетелей. Это нередко затрудняет проведение граней между обоими течениями, а также позволяет определенным группам и лицам уживаться в русле и того, и другого. Но неоконсерватизм — это государственно-монополистическая идеология, призванная с помощью таких категорий, как «обобществление», «коллективизм», затормозить дальнейшее развитие общего кризиса капитализма. В этом — важнейшее внутреннее противоречие неоконсерватизма, его нелогичность и «оппортунизм» с точки зрения «ясной» идеологии реакционного индивидуализма.

Появление неоконсерватизма и тем более превращение его в главное направление буржуазной идейно-политической мысли невозможно представить без учета влияния такого фактора, как вторая мировая война. Опыт государственного регулирования трудовых отношений в 1941—1945 гг. убедил монополистов в том, что вторжение государства в социально-экономическую сферу не так опасно, как они себе представляли в 30-е годы, что оно даже очень желательно. Самым весомым аргументом

¹⁸ H. S i m o n s. Op. cit., p. 129—131, 148.

¹⁹ F. H a y e k. Op. cit., p. 199.

в пользу признания государственного регулирования трудовых отношений была политика правительства Рузвельта — Трумэна в вопросах заработной платы. Предприниматели в целом поняли, что без государственных предписаний по «стабилизации» оплаты труда, которая на практике вылилась в ее замораживание, им бы не видать тех астрономических прибылей, какие накопились в их сейфах к концу войны²⁰.

Ни одно идейно-политическое течение не имело такой прочной опоры в деловом мире, как неоконсерватизм. Его непосредственно породили крупнейшие организации монополий и прежде всего НАП, которую неоллиберал К. Керр правильно назвал «самой влиятельной идеологической организацией американской промышленности»²¹. Если проанализировать решения ежегодных съездов НАП в военное время²², то можно заметить усиление тенденций к признанию расширения прерогатив государства. Вооруженная неоконсервативной идеологией, НАП в годы войны вела массированное идейно-политическое наступление на рабочий класс, завершившееся резким поворотом вправо рабочей политики государства непосредственно после окончания войны. Неоконсерваторы, преобладавшие в руководстве республиканской партии во всех ее звеньях и имевшие влиятельные позиции среди демократов Юга, Юго-Запада и промышленных центров района Великих Озер, нападали на «слабую» политику Ф. Рузвельта в рабочем вопросе и требовали «сильного» и «ясного» курса в государственном регулировании трудовых отношений.

Несмотря на пропагандистское обожествление «свободного предпринимательства», в чем они смыкались с крайними индивидуалистами, неоконсерваторы во главе с НАП были течением «реальной политики». Они требовали от государства приостановить на время войны действие основного трудового законодательства, надеть на рабочий класс смиренную рубашку и обеспечить проведение антирабочей политики в послевоенное время. В годы войны Ф. Рузвельт располагал громаднейшей властью, что, между прочим, было одним из факторов сдерживания наступления неоконсерваторов. Но последние жаловались, что в стране нет сильного правительства и порядка, и требовали усиления власти конгресса. О том, какие законы и порядок готовили в Капитолии, где в это время уже сложилась коалиция республиканцев с консервативными и реакционными демократами, можно судить по выступлению члена палаты представителей от детройтских промышленников К. Гофмана, ведущего оратора неоконсерваторов. Призывая 19 февраля 1942 г. к принятию закона против стачек, он говорил: «С администрацией говорить бесполезно. Со всеми этими управлениями тоже. Их действия свидетельствуют о том, что нынешняя администрация заботится не столько о победе в войне или о национальной обороне... сколько о сохранении симпатий профсоюзных лидеров, или о

²⁰ Признания по этому поводу можно найти в отчете Национального военного управления труда президенту: «В период высоких прибылей и роста стоимости жизни государственный орган впервые в американской истории был обязан говорить рабочим, что они не могут получить увеличение в заработной плате, на которое согласны их предприниматели или которое они могли легко и законно — не будь стабилизационных установок — получить, поддерживая свои требования в процессе коллективных переговоров». — «Termination Report», vol. 1, p. 532.

²¹ «Labor in Postwar America». Ed. by C. Warne. Brooklyn, 1949, p. 47. В годы войны в НАП входили 12 тыс. крупнейших промышленников как ее непосредственные члены и 40 тыс. предпринимателей в качестве представителей региональных, штатских и местных групп промышленников. — Ibid., p. 48.

²² «War Program of American Industry and Resolutions». Adopted by the War Congress of American Industry. December 1942; «War and Postwar Program of American Industry». Adopted by the Second Congress of American Industry. December 1943; «Victory for Freedom». A Program Adopted by the War and Reconversion Congress of American Industry. December 1944; «NAM. Statement of Principles». Adopted by the Board of Directors on November 15, 1945, and Announced at the Golden Anniversary Congress of American Industry.

том, что она труслива и не может справиться со стоящими задачами»²³. Приняв в 1943 г. вопреки президентскому вето антирабочий закон Коннелли—Смита, неоконсерваторы и все поддерживавшие их реакционеры нанесли не только удар по праву на стачку. Они тем самым подорвали общие позиции профсоюзов и всех рабочих, представив их антинациональной силой, которая якобы только и думает о своих корыстных интересах, не заботясь о разгроме фашизма. Это делали те самые силы, которые после разгрома мирового фашизма установили в США реакционные порядки, вызывавшие ассоциации с фашизмом.

Неоконсерваторы более всего беспокоились о том, чтобы государство проводило «правильную» рабочую политику после войны и широчайшим фронтом, с истинно американским размахом готовили рецепты этой политики. В публикациях НАП²⁴, имевшей три постоянных комитета по трудовым отношениям с большой группой научно-исследовательских работников, в период войны и в самом начале реконверсии были детальным образом разработаны основы «сильной» и «ясной» рабочей политики правительства. Важную роль в разработке послевоенной рабочей политики сыграл Комитет содействия индустриальному миру во главе с теоретиком и практиком трудового права Д. Ричбергом. Формально Комитет был независимой организацией, но фактически его деятельность направлялась лидерами делового мира и непосредственно финансировалась бывшим филаделфийским мыловаром²⁵. Комитет составил «программу индустриального мира», на основе которой 20 июня 1945 г. сенаторы К. Хэтч, Г. Бартон и Д. Болл внесли в конгресс билль, предпроделивший закон Тафта — Хартли.

Оформлению неоконсерватизма как важнейшего идейно-политического направления в рабочей политике большое содействие оказали исследования о трудовых отношениях, которые финансировались наиболее влиятельными организациями крупного бизнеса. Особую роль в формулировке основных положений неоконсерватизма сыграл Брукингский институт — научно-исследовательский центр по изучению социально-экономических проблем, созданный монополиями еще в 1927 г. Наряду с разработкой общих экономических вопросов институт в годы войны усиленно занимался и специально трудовыми отношениями, готовя планы новой рабочей политики государства²⁶. Рецепты Брукингского института широко использовались неоконсерваторами конгресса при подготовке послевоенного законодательства²⁷.

Г. Меца, М. Джекобстайна, Г. Моултона и других специалистов института особенно возмущала «безнаказанность» профсоюзов за стачки и прочие формы посягательства на «общественные интересы». Во введении к книге Г. Меца и М. Джекобстайна президент Брукингского института Г. Моултон категорически заявил, что «мощь рабочих организаций должна быть ограничена во имя защиты общественных интересов»²⁸. Эксперты

²³ «Congressional Record» (далее — CR), vol. 88, pt. 1, 1942, p. 1497.

²⁴ «National Association of Manufacturers. Jobs, Freedom, Opportunity in Postwar Years». [s. l.], 1943; «The Basic Principles Behind Good Employee Relations and Sound Collective Bargaining». [s. l.], 1946; «The American Individual Enterprise System», vol. 1—2. New York — London, 1946. См. также изданные НАП памфлеты, авторами которых выступали ее руководящие деятели: C. F r e n c h. National Labor Policy and Industrial Peace. [s. l.], 1947; I. M o s h e r. Security — Whose Responsibility? [s. l.], 1946; C. R a n d a l l. A New Federal Labor Policy. [s. l.], 1946; W. W e i s e n b u r g e r. Challenge to Industry. [s. l.], 1946.

²⁵ «Daily Worker», 21.VI.1945.

²⁶ S. S l i c h t e r. Union Policies and Industrial Management. Washington, 1941; H. M e t z. Labor Policy of the Federal Government. Washington, 1945; H. M e t z, M. J a c o b s t e i n. A National Labor Policy. Washington, 1947.

²⁷ CR, vol. 91, pt. 13, 1945, p. A. 5015.

²⁸ H. M e t z, M. J a c o b s t e i n. Op. cit., p. V.

института разработали серию поправок к трудовому законодательству, которые представляли собой основные положения закона Тафта—Хартли.

В научной разработке концепций неоконсерватизма применительно к трудовым отношениям особое место принадлежит воспитаннику «висконсинской школы» в историографии рабочего движения профессору Гарвардского университета С. Сличтеру. В лекциях, прочитанных в Корнельском университете в 1946 г., он изложил систему взглядов неоконсервативного направления в регулировании трудовых отношений, обобщенных им в опубликованной в 1947 г. книге «Вызов индустриальным отношениям»²⁹.

Этот «вызов», по теории С. Сличтера, был будто бы брошен «обществу» профсоюзами, поэтому ответить на него должны не предприниматели, а государство. С. Сличтер оказался более тонким теоретиком, чем многие другие противники «нового курса», которые боролись за ликвидацию неолиберальных реформ 30-х годов, с помощью лозунгов о восстановлении «баланса» или «равенства» сил, якобы нарушенных законом Вагнера. Он подчеркивал, что это еще не «национальный» и не «общественный» подход к проблеме, ибо «равенство» сил профсоюзов и предпринимателей представляет не меньшую угрозу «общественным интересам»: партнеры — противники, равные по силе, нанесут в случае трудового конфликта третьей стороне («обществу», «потребителям») гораздо больше ущерба, нежели неравные по мощи противостоящие группы³⁰.

С. Сличтер утверждал, что государство должно быть беспристрастным в отношении профсоюзов и предпринимателей, что у правительства есть лишь один ориентир — «общественные интересы». В конкретной программе он тем не менее нацеливал стража «общественных интересов» — государство — исключительно в одном, антипрофсоюзном направлении³¹. Он подверг решительной критике за якобы слишком безответственное поведение перед «обществом» даже такого неисправимого реформиста и прислужника буржуазии, как президент АФТ У. Грин³².

Вооружившись философией неоконсерватизма, НАП и шедшие за нею основные силы американской буржуазии всесторонне подготовились для поворота вправо руля государственного регулирования трудовых отношений. Известный специалист по трудовым отношениям К. Керр заключил, что «НАП в главном перевела в плоскость реальности свою программу. Цели, которые она себе поставила, были почти полностью достигнуты»³³.

Как же выглядел в этой обстановке неолиберализм, бывший господствующим направлением в идейно-политической жизни США в период «нового курса»? В 1939—1945 гг. неолиберализм быстрыми темпами сдавал свои политические и идейные позиции наступавшему неоконсерватизму, но по-прежнему крепко держал в сфере своего влияния рабочее движение и не давал ему выработать свою собственную классовую идеологию. Еще до начала войны неолибералы прекратили агитацию за социальные реформы³⁴. Период войны не знает, за исключением «солдатского билля о правах»³⁵, ни одного нового закона в духе 30-х годов.

²⁹ S. Slichter. The Challenge of Industrial Relations. Ithaca, 1947.

³⁰ Ibid., p. 154—155.

³¹ «Правительство,— говорил С. Сличтер,— должно иметь надежную власть и продуманную политику для защиты общества против стачек и локаутов, которые представляют опасную угрозу общественному здравоохранению, общественной безопасности и общему благосостоянию».— Ibid., p. 165—166.

³² Ibid., p. 158—159.

³³ «Labor in Postwar America», p. 62.

³⁴ В ежегодном послании конгрессу 2 января 1939 г. Ф. Рузвельт писал: «Теперь мы миновали период внутренних конфликтов, вызванных нашей программой социальных реформ».— «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt» (далее — «The Public Papers»), 1939. London, 1941, p. 7.

³⁵ CR, vol. 90, pt. 5, 1944, p. 5842—5847.

Главный инициатор социального законодательства «нового курса» сенатор-демократ Р. Вагнер, еще в 1938 г. высказавший опасение по поводу усиления консерватизма³⁶, в годы войны был не у дел, а сенатор-прогрессист Р. Лафоллет, имя которого не сходило со страниц газет в 30-е годы, выглядел в Вашингтоне вообще чужаком. Ведущими фигурами в конгрессе становились деятели типа республиканского сенатора Р. Тафта.

Чтобы противостоять натиску реакции со стороны крайнего индивидуализма и неоконсерватизма, Ф. Рузвельт выдвинул программу социальных реформ, назвав ее «вторым биллем о правах»³⁷. Однако никакой реальной политической кампании в поддержку этой программы ни он, ни демократическая партия не организовывали. Более того, Ф. Рузвельт не раз заявлял в годы войны, что методы «нового курса» после разгрома фашизма стране уже не пригодятся³⁸.

Неолибералы теряли свой политический вес прежде всего потому, что окрепший на войне бизнес под руководством НАП сам непосредственно прибирал к рукам идейно-пропагандистскую машину буржуазии и ставил ее на неоконсервативные рельсы. Неолибералы, разумеется, пользовались опорой в деловых кругах. Идеи неолиберализма были ближе другой важнейшей организации бизнеса — Торговой палате³⁹. Ее официальные публикации военного времени⁴⁰ показывают, что она более широко, чем НАП, смотрела на социальную роль государства и социальную ответственность бизнеса за положение низов общества. Вместе с тем руководство Торговой палаты менее активно, нежели лидеры НАП, требовало государственного вмешательства в отношения рабочих с предпринимателями, понимая, что это может привести к усилению реакции и обострению классовых конфликтов. Намереваясь удержаться в рамках существующего законодательства, Торговая палата призвала «к относительно меньшей опоре на правительственное вмешательство и к относительно большей опоре на отношения сотрудничества с организованными рабочими»⁴¹.

Неолиберальные идеи американской буржуазии были полнее и популярнее всего изложены в книге президента Торговой палаты Э. Джонстона, которая в 1942—1944 гг. вышла несколькими изданиями. Э. Джонстон разработал концепцию «народного капитализма», которая является искаженным восприятием государственно-монополистического капитализма. Отвергая догматы «твердых индивидуалистов», он призывал к «коллективным действиям через посредство своего правительства». Не соглашаясь с неоконсерваторами и их постоянными призывами к использованию государственной власти против профсоюзов, Э. Джонстон в общих выражениях осуждал «экстремистов в частнокапиталистическом лагере, которые отрицают неотъемлемые права рабочих»⁴². Но государственно-монополистическая конструкция неолиберального президента Торговой палаты была своим острием направлена против рабочего класса и теории классовой борьбы. Он, постоянно нападая на «доктринерских радикалов», которые следуют за учением К. Маркса о классовой борьбе, призывал к «классовому миру». Государственно-монополистический смысл его версии о «народном капитализме» особенно бесспорен, когда он под-

³⁶ J. H u t h m a c h e r. Senator Robert F. Wagner. New York, 1968, p. 256.

³⁷ «The Public Papers», 1944—1945. New York, 1950, p. 41.

³⁸ «The Public Papers», 1943, p. 571—575; 1944—1945, p. 437.

³⁹ В отличие от НАП Торговая палата США объединяет не только крупных, но и средних и даже мелких предпринимателей. К концу войны она представляла собой федерацию 2500 местных торговых палат, в которые входили более 1 млн. фирм, корпораций и отдельных бизнесменов. — «Labor in Postwar America», p. 64.

⁴⁰ «Chamber of Commerce of the United States. The Chamber of Commerce Approach to Postwar Planning». [s. l., s. a.]; «Plan Now for the Future Public Works». [s. l., s. a.]; «Social Security in the United States». Washington, 1944.

⁴¹ «Labor in Postwar America», p. 67.

⁴² E. J o h n s t o n. Op. cit., p. 34, 37, 96—97, 186.

ходит к выявлению места профсоюзов в американском обществе. «Организованные рабочие, — утверждал Э. Джонстон, — должны понять, что профсоюзы — это интегральная, составная часть американского капитализма»⁴³. Классовый, антирабочий характер всех его построений всплывает наружу также при одностороннем осуждении им борьбы профсоюзов против предпринимателей. Э. Джонстон составил список «наиболее серьезных грехов» профсоюзов (стачки, пикеты, «недемократическая» внутренняя процедура и т. д.), но аналогичного «списка» для бизнесменов не дал⁴⁴.

Э. Джонстон не ограничился идеологической проповедью «классового мира». Переноса свои идеи в область политической практики, он добился того, что в марте 1945 г. президент АФТ У. Грин и президент КПП Ф. Мэррей подписали вместе с ним «хартию»⁴⁵ о классовом сотрудничестве на период войны и после нее. В составлении «хартии» видную роль сыграли магнат судостроения Г. Кайзер, президент автомобильной компании «Студебеккер» П. Гофман, вице-президент НАП Д. Целлербах и другие крупнейшие бизнесмены⁴⁶. «Хартию» приветствовали Ф. Рузвельт и Г. Трумэн, а также руководство Национального военного управления труда⁴⁷. Но ее более чем холодно встретили основные промышленники. Еще до победы над Германией стало ясно, что эта затея всего-навсего «жест доброй воли»⁴⁸ со стороны неолибералов, ибо неоконсерваторы готовились не к «сотрудничеству» с профсоюзами, а к принятию реакционного антипрофсоюзного законодательства.

Для рабочего движения это было не простым «жестом». Подписанная в критический момент, когда профсоюзное руководство с трудом удерживало рабочих от стачек, когда рабочие уже устали от выполнения декабрьского соглашения 1941 г. об отказе от забастовок, «хартия» была оружием дезориентации широких масс трудящихся. Существо реальной политики основной части буржуазии было выражено в билле Хэтча — Бартона — Болла, а «хартия» обратилась в средство усыпления классовой бдительности рабочих. В этой связи уместно вспомнить мысль В. И. Ленина о том, что «либеральная буржуазия, одной рукой давая реформы, другой рукой всегда отбирает их назад, сводит их на нет, использует их для закабаления рабочих, для разделения их на отдельные группы, для увечечивания наемного рабства трудящихся»⁴⁹.

Неолиберализм в политике находил немалую идейную поддержку в неолиберальном направлении в науке о трудовых отношениях. Оно осталось главным направлением и в годы войны⁵⁰, но претерпевало существен-

⁴³ Ibid., p. 183.

⁴⁴ Ibid., p. 180—182.

⁴⁵ CR, vol. 91, pt. 12, 1945, p. A. 3226—3227.

⁴⁶ «Daily Worker», 29.III.1945.

⁴⁷ «Daily Worker», 29, 30.III.1945.

⁴⁸ «Business Week», 14.IV. 1945, p. 86.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 1.

⁵⁰ Среди крупных произведений неолиберальных авторов следует выделить такие труды: C. Daugherty. Labor Problems in American Industry. Cambridge, 1941; S. Harris. The Economics of Social Security. New York, 1941; H. Millis, R. Montgomery. The Economics of Labor, vol. 1—3. New York—London, 1945; J. Rosenfarb. The National Labor Policy and How it Works. New York, 1940; L. Teller. Labor Disputes and Collective Bargaining, vol. 1—3. New York, 1940—1943.

Видным центром неолиберализма в науке о трудовых отношениях был «Фонд XX века», созданный либералом Э. Филею в 1919 г. См. публикации Фонда: «Twentieth Century Fund. Labor and Government». New York, 1935; «How Collective Bargaining Works». New York, 1942; S. Williamson, H. Harris. Trends in Collective Bargaining. New York, 1945; S. Chase. The Road We are Travelling. New York, 1945; его же. Democracy Under Pressure. New York, 1945; его же. A Generation of Industrial Peace. [s. l., s. a].

Неолиберальный характер носили публикации ряда католических авторов. См.:

ные видоизменения. Идеи неоконсерваторов о государственном контроле за профсоюзной деятельностью постепенно захватывали неолибералов. В 1945 г. Комиссия по проблемам труда при «Фонде XX века» опубликовала доклад, в котором содержались рекомендации в области трудовых отношений⁵¹. В докладе не вызывает сомнений преобладание традиционных идей неолиберализма: культивируемое государством классовое сотрудничество, поощрение коллективных переговоров, признание целесообразности профсоюзов, социальное реформаторство. Но в нем вместе с тем отчетливо прослеживается наступление неоконсервативных идей государственного регулирования трудовых отношений. Весьма симптоматичным было и то, что лишь представитель КПП высказал несогласие с рекомендацией об установлении контроля за финансовым положением профсоюзов.

Еще более отчетливо прозвучали неоконсервативные идеи в другой публикации неолибералов — сборнике статей, посвященном 10-летию закона Вагнера⁵². Столпы неолиберализма — сенатор Р. Вагнер, бывший председатель Национального управления по трудовым отношениям Д. У. Мадден, председатель Управления Г. Миллис, крупные авторитеты в науке о трудовых отношениях Л. Кейзерлинг, У. Лейзерсон и другие — стояли за неизменное сохранение закона Вагнера, не предлагая никаких новых социальных реформ. Самой заметной в указанном сборнике оказалась статья директора Американской ассоциации управляющих, вице-председателя комиссии НАП по трудовым отношениям Л. Хилла. Он требовал, чтобы «антисоциальные, антипредпринимательские и антирабочие действия профсоюзов были поименованы как нечестная трудовая практика со стороны профсоюзов»⁵³, а также составил длинейший перечень стачек, которые, по его мнению, вряд ли можно оправдать с точки зрения государственной политики. То, что в неолиберальных публикациях в полный голос звучали призывы неоконсерваторов, предвещало конец закону Вагнера, и неолибералы не смогли организовать идейно-политического отпора реакционным тенденциям в послевоенной рабочей политике.

Вместо сопротивления неоконсерваторам неолибералы подключились к их хору, стараясь удержаться в рамках умеренности и сохранить свое прежнее лицо, что им явно не удавалось. Неолибералы в своей массе стали подстраиваться к неоконсерваторам и признавать необходимость изменения трудового законодательства 30-х годов. Они шли на уступки, и неоконсерваторы стали перетягивать многих из них на свою сторону. В 1945 г. Л. Теллер издал с предисловием неолиберального сенатора У. Морзе книгу, в которой предложил кодифицировать трудовое право США. Он выдвинул серию новых положений, вполне устраивающих НАП и всех неоконсерваторов. В основном разделе его монографии детально разработаны положения о «нечестной трудовой практике профсоюзов»⁵⁴.

Таким образом, идейно-политическое наступление буржуазии на рабочий класс в годы второй мировой войны шло тремя главными путями, которым соответствовали три основных течения буржуазно-политической мысли: крайний индивидуализм, неоконсерватизм и неолиберализм. Наиболее старые корни из них имел реакционный индивидуализм, который, однако, уже не может считаться господствующей формой буржуазной

G. Higgins. *Voluntarism in Organized Labor in the United States 1930—1940*. Washington, 1944; J. Toner. *The Closed Shop*. Washington, 1944.

Неолиберальные концепции вошли и в преподавание трудового права в университетах. См.: M. Handler (Ed.). *Cases and Materials on Labor Law*. St. Paul, 1944; J. Landis, M. Manoff (Eds.). *Cases on Labor Law*. Chicago, 1942; C. Rauschenbush, E. Stein (Eds.). *Labor Cases and Materials*. New York, 1941.

⁵¹ S. Williamson, H. Harris. *Op. cit.*, p. 215—250.

⁵² «The Wagner Act: After Ten Years». Ed. by L. Silverberg. New York, 1945.

⁵³ «The Wagner Act: After Ten Years», p. 107, 108.

⁵⁴ L. Teller. *A Labor Policy for America*. New York, 1945, p. 95—158.

идеологии на государственно-монополистическом этапе развития американского капитализма. В. И. Ленин писал, что в результате кризисов и социальных потрясений в мире капитализма развивается процесс, который «втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»⁵⁵. Главными формами идеологической и политической адаптации буржуазии США к этому «новому общественному порядку» и стала комбинация неоконсерватизма и неолиберализма, с преобладанием второго в 30-е годы, и первого начиная с конца второй мировой войны. И неоконсерватизм и неолиберализм являются государственно-монополистической идеологией. Их сочетание прочно удерживало в своих рамках всю идейно-политическую жизнь в США после второй мировой войны вплоть до середины 60-х годов, когда под ударами демократического движения появились первые трещины в этом реакционном «согласии».

Все три потока идейно-политического наступления буржуазии сыграли свою роль и в подготовке поворота вправо государственной политики в трудовых отношениях, и в идеологическом ослаблении, и в прямой идеологической дезориентации рабочего движения США. В линии поведения руководства АФТ прослеживается влияние всех трех указанных течений: проповедь «свободного предпринимательства» (крайний индивидуализм и неоконсерватизм), концепция «национальных интересов» (неоконсерватизм и неолиберализм), опора на либеральные реформы как «единственно возможное» средство политического решения проблем, стоящих перед рабочим движением (неолиберализм). Эта зависимость в полной мере сказалась при выработке лидерами АФТ планов послевоенного устройства американской жизни⁵⁶. Сложнее обстояло дело с КПП. Именно здесь во второй половине 30-х годов оформилось влиятельное левое крыло, что позволяло надеяться на возможность утверждения идейно-политической самостоятельности в значительной части рабочего движения США. В 1943 г. в КПП был создан Комитет политических действий, проводивший активную кампанию против реакционеров и включившийся в деятельную разработку проектов прогрессивных реформ для послевоенного периода⁵⁷. В КПП идеи индивидуализма не имели никакого влияния. Но зато здесь усилили свои позиции неолибералы, которые сделали все, чтобы не допустить идейно-политической самостоятельности левого крыла КПП. В самом конце войны, и особенно сразу же после нее, руководство КПП взяло на вооружение и часть неоконсервативных идей, в первую очередь концепцию защиты «национальных интересов» в ее внешнеполитическом плане. Проще говоря, неоконсерваторы завоевали известные позиции в КПП, втянув значительную часть его верхов в антикоммунистическую и антисоветскую кампанию.

Особо следует остановиться на идейно-политическом ударе, нанесенном рабочему движению неолибералами. Во-первых, неолиберальные «друзья рабочих», претендовавшие на роль идейно-политического руководителя профсоюзов в борьбе за социальный прогресс, продемонстрировали свою бесхребетность перед неоконсерваторами и сдали им многие позиции, что привело к резкому изменению в рабочей политике государства. Во-вторых, они разоружили левое крыло КПП, оказав на него разлагающее либерально-реформистское влияние, временно взявшее верх даже в руководстве Коммунистической партии США.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 320—321.

⁵⁶ «American Federation of Labor Postwar Forum». Washington, 1944.

⁵⁷ «CIO Political Action Committee. Full Employment». New York, 1944; «The Road to Freedom». [s. l., s. a.]; «When a Worker Needs a Friend». [s. l. s. a.]; см. также: «CIO Postwar Planning Committee». As We Win. Report № 1, January 1944 (и серию других публикаций под этой рубрикой). Послевоенные планы КПП излагались во многих статьях его лидеров. См., например: Ph. M u r g a y. The CIO Looks Ahead.— «Nation», 4.XI. 1944. Эти планы обсуждались регулярно на заседаниях исполкома и съездах КПП. То же самое относится и к АФТ.

Поскольку вопрос о ревизионизме в компартии США военного периода освещен в советской исторической литературе ⁵⁸, остановимся лишь на выявлении прямого, непосредственного влияния неолибералов на лидеров ревизионизма во главе с Э. Браудером. Э. Браудер, не поняв государственно-монополистического существа американского империализма, повторял версию Э. Джонстона о «народном капитализме». Он извращенно толковал характер американского капитализма, утверждая, что в экономике США военного времени «теряют свое прежнее значение» такие категории капитализма, как «цена», «прибыль», «издержки производства», «зароботная плата», «частный капитал» ⁵⁹. Вслед за Э. Джонстоном Э. Браудер провозгласил наступление эры «просвещенных предпринимателей» и заявил, что в США социализм не имеет никаких перспектив ⁶⁰. В условиях, когда монополии готовились к крестовому походу против профсоюзов, Э. Браудер так характеризовал словесные заверения Э. Джонстона насчет признания бизнесом прав профсоюзов: «В подходе м-ра Джонстона есть предполагаемая презумпция равного статуса рабочих и предпринимателей, которая, если она будет общепринятой, окажется важным шагом на пути к национальному единству» ⁶¹. Он обнаружил эту «предполагаемую презумпцию» в тот самый момент, когда журнал «Fortune» опубликовал данные опроса «общественного мнения» об отношении к профсоюзам. Лишь 7% опрошенных высказалось за расширение прав профсоюзов и 28% — за сохранение существующих прав. Зато 49% потребовало введения антипрофсоюзного законодательства, а 7% даже выступило за ликвидацию профсоюзов ⁶². Э. Браудер оказался более чем неграмотным социологом и экономистом. Он пошел в фарватере буржуазных идеологов и политиков даже в таком конкретно-политическом вопросе, как новое трудовое законодательство, полностью уступив призывам к «ответственности» профсоюзов перед буржуазным обществом. Комментируя предложение Э. Джонстона по этому вопросу, Э. Браудер писал, что «не может быть возражений против его призыва к общественной ответственности профсоюзов» ⁶³.

В итоге получилось, что буржуазно-либеральный реформизм как государственная политика в трудовых отношениях в годы войны решительно отступил назад, а идеологическое влияние буржуазного реформизма на рабочее движение еще более возросло. В государственном регулировании трудовых отношений еще до окончания войны произошел сдвиг вправо. Важнейшими элементами этого поворота к реакции были закон Коннелли — Смита 1943 г. ⁶⁴, резко ограничивший право рабочих на стачку и на политические действия, антипрофсоюзное законодательство в штатах ⁶⁵, а также промонополистическая направленность в деятельности Национального военного управления труда и других органов социально-экономического регулирования. Путь для принятия закона Тафта—Хартли и для похода против всех прогрессивных сил был открыт.

Американские монополии вышли из войны окрепшими, а идейно-политические и правовые позиции профсоюзов, и без того непрочные, были существенно подорваны. Все это способствовало превращению империализма США в мирового жандарма и основную силу реакции в послевоенный период.

⁵⁸ «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 2. М., 1971, стр. 152—157.

⁵⁹ E. Browder. Victory — and After. New York, 1942, p. 245.

⁶⁰ «Daily Worker», 11.I. 1944.

⁶¹ E. Browder. Teheran. Our Path in War and Peace. New York, 1944, p. 86.

⁶² S. Chase. Democracy Under Pressure, p. 72.

⁶³ E. Browder. Teheran. Our Path in War and Peace, p. 86.

⁶⁴ «Termination Report», vol. 2, p. 80—84.

⁶⁵ S. Cohen. State Labor Legislation 1937—1948. Columbus, 1948.

